К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ КУРДОВ ТУРЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Во второй половине XIX в. экономика восточных районов Османской империи находилась в крайне тяжелом положении. Упадок сельского хозяйства в курдских районах был обусловлен низким уровнем развития производительных сил и условиями феодального способа производства. Основную массу населения составляли оседлые крестьяне.

Часть курдов, входящих в племенные организации, вела кочевой образ жизни и была известна под именем «кочар». Большинство из них занимало северные равнины Месопотамии, откуда в летнее время откочевывало на горные пастбища Муша и Хакяри. Кочевой образ жизни курдов во второй половине XIX в. уже претерпевал ряд существенных изменений. Это выражалось в том, что курды переходили от кочевого образа жизни к оседлому. Разложение патриархально-родовой организации полуоседлых курдских племен было вызвано экономическими изменениями в хозяйстве членов племени. Вождь племени, окруженный малочисленной группой своих людей, беспощадно эксплуатировал простых членов племени. Прямой социально-экономический гнет и произвол вождя племени в отношении других членов был настолько очевиден, что вождь не пытался даже скрасить его ссылками на освященные временем обычаи. В обязанности членов племени входило содержание и организация перевозки хозяйства верхушки племени при кочевках: Так, курды, подвластные Джафар-аге, одному из вождей курдского племени в России, кроме бесплатной перевозки своими силами его огромного хозяйства и обеспечения его дровами, вдобавок этому обязаны были в период бракосочетания приносить в «подарок» одного быка. Е. Егиазаров, хороший знаток жизни курдов Эриванской губернии, пишет, что среди народа ходило выражение «бык Джафар-аги», как символ тяжелого, обязательного долга[1]. Вероятно, такими были отношения между родоначальниками и подвластными им курдами также в Турции.

Окончательному обнищанию полуоседлых курдов способствовали государственные налоги на скот, а также периодически повторяющиеся засухи и как следствие их — голод. После ликвидации института полузависимых и независимых курдских беев в 30—40-х годах XIX в. право правления районами переходит в руки турецкого паши. Курдские племена-аширеты уже находились в прямой зависимости от пашей и платили им ежегодные налоги. Так, аширет джаф платил правителю города Сулеймания подать под именем хаджи-хане[2]. На каждое семейство приходилось $87^1/_2$ пиастра[3]. Для взимания хаджи-хане часто назначались специальные люди, называемые «вуджух». Иногда в роли вуджуха выступали сами племенные вожди. Так, тайфа шейх Исмаили, входящий в ил-и-Гавере, платил 20 000 крушей хаджи-хане своему вуджуху Халид-бею[4]. Злоупотребляя своими правами, вуджухи постоянно клали себе в карман часть налогов, соответственно увеличивая их. Кроме хаджи-хане, члены племени платили своему бею разные суммы, например пени за преступление и другие. При этом, если одна тайфа проявляла непослушание бею, последний нападал на тайфу, жестоко расправлялся с жителями и расхищал все их имущество. Бесчинства бея оставались безнаказанными. Будучи не ответственным за свои поступки, беи усиливали социальный гнет над подвластными им курдами. В еще более тяжелом положении были курдские племена: аширеты шивезури, пиресани, ревандух, сюрчи, хереки, куре, зерари и другие, проживавшие на турецко-персидской границе. Эти племена жили в Турции, но перекочевывали на летние пастбища в Персию. В таких случаях они должны были платить двум государствам. Десятину и другие установленные повинности они платили турец-

---

[1] С. Егиазаров. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии. «ЗКОИРГО», Тифлис, 1891, кн. XIII, вып. 2, стр. 16.

[2] Хаджи-хане — подать с дыма.

[3] Хуршид-Эфенди. Сияхет-намэ-и худуд. Описание путешествия по турецко-персидской границе, СПб., 1877, стр. 219.

[4] Там же, стр. 220.

кому государству, а Персии выплачивали налог за пользование пастбищами[5]. Если они оставались зимой на персидских пахотных землях (мэзри), то платили местным властям подать — хаджи-хане, размер которой зависел от прихотей местных властей[6]. В этих тяжелых условиях племенные курды, чтобы спасти свое разлагающееся хозяйство, все больше привязывались к земле, и в их хозяйстве все большую роль получало земледелие. Земледелие на первых порах приспособливалось к условиям и требованиям скотоводства.

Племенная верхушка эксплуатировала не только одноплеменников, но и оседлое земледельческое население, которое, с целью защиты своих земель от постоянных набегов отдельных племен, обращалось за военной помощью к сильным племенным вождям, ища у них защиты. При этом крестьяне-земледельцы обязывались выплачивать вождю определенную подать. Такой «добровольный» союз нередко ставил земледельческое население в положение полной зависимости и подчинения этому вождю, чему во многих случаях способствовали и сами власти. Так, персидские власти часто с целью привлечь на свою сторону те курдские племена, которые летом переходили из Турции на летние пастбища Персии, предоставляли их вождям большие права, вплоть до собирания податей в отдельных районах, отданных на откуп. Вождь мамашского племени Бейрут-ага получил право на откуп махала Пасва за 1000 туманов. Из этой суммы 200 туманов составляло его жалованье, а 800 туманов он вносил в казну[7].

Новые доходы от земельных фондов соблазняли племенных вождей. Чтобы держать оседлое население в зависимости, курдская племенная верхушка содержала вооруженный отряд, состоявший в основном из родственников и обнищавших членов племени, которые за свою службу получали от вождя пищу, оружие и коней. Эти отряды использовались и против соседних мелких полукочевых племен, угоняли их стада и заставляли жителей присоединиться к подвластному бею населению. В обязанности отряда входил и сбор налогов с населения. Вследствие притеснения большими племенами мелких, последние часто объединялись против общего врага. Так, в Каван-Кере, в районе, лежащем между Битлисом и Диарбекиром, мелкие племена объединились против битлисского феодала. Не сумев оказать должного сопротивления сильному племени хайдаранли в районе Баязета, после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. они оказались в зависимости от вождя племени хаидаранли: они должны были выплачивать кор Хусейн-паше обязательный налог хак-нуль-хакиме (Հաղ-իլ Հաքիմ)[8]. Такая эксплуатация была следствием не экономического принуждения, а завоевания военной силой. Влияние аширета на оседлое население, которое часто поддерживалось властями, имело неблагоприятные последствия для развития экономики района. Земледельцы постоянно подвергались грабительским нападениям со стороны тех или иных племен, расставались с оседлым образом жизни и переходили на кочевой.

Причиной перехода к кочевому образу жизни служили также тяжелые поборы и налоги, налагаемые властями, и военные походы правительственных войск. По этому поводу Элизе Реклю писал: «В зависимости от положения политических дел, число их (кочевников.— Дж. Дж.) увеличивается или уменьшается. Если, например, область терпит от грабительства губернатора или от того, что по ней прошли войска, илиаты шернишани, привышкие к постоянному местожительству и к возделыванию почв, покидают свои деревни, чтобы начать кочевую жизнь, подобно сахар-нишани, в благоприятные времена племена поселяются на землях, которые им жалуют»[9].

---

[5] Не следует забывать и другую сторону вопроса, когда ряд племен пограничных районов, пользуясь возможностью постоянно переходить границу Турции, чувствовали себя очень свободно и вообще избегали уплаты налогов. Такие льготы иногда предоставлялись и самими властями с целью привлечь эти племена на свою сторону.

[6] Хуршид Эфенди. Сияхэт-намэ-и-худуд, стр. 249—250.

[7] Там же, стр. 257.

[8] Ա տ ա մ ե ա ն. Ճիապ Գրոն Հյուսեին փաշա, Թիֆլիս, 1911, էջ 524։

[9] Элизе Реклю. Земля и люди. «Всеобщая география», т. IX, 1887, СПб., стр. 168.

Многие земледельческие районы в условиях постоянного притеснения со стороны аширетов превращались в площади для пастбищ. Так, Абага (в Ванском санджаке) считалась в прошлом хорошо обработанным, процветающим районом. Но с начала XIX в. население этого района под давлением разных аширетов, кочующих на местных горных пастбищах, рассеялось, и район превратился в пастбище для скота[10]. Бедственное положение населения усугублялось не только гнетом племенных вождей-феодалов, но и эксплуатацией религиозной власти.

Крупными феодалами-шейхами считались племенные вожди: в районе Хакяри — Нурула-хан, шейх Обейдулла, в Джезире — шейх Бадрхан-бей и другие[11]. Эти шейхи распространяли свою феодальную власть не только на мусульманское население, но и на немусульманское. Шейх Бадрхан-бей получал подати от айсоров районов Тиари и Тхома, выступая в качестве «защитника» их безопасности. Курдские шейхи-феодалы собирали от подвластного курдского населения налоги и как феодалы и как представители духовенства. Духовная клика в езидской святыне шейха Ади около Мосула получала свои доходы от всех езидов, даже от тех, которые жили в пределах России. Духовники племени милли, помимо феодальных податей с подвластного населения, собирали и религиозный налог «закят», составлявший десятую часть урожая. Для увеличения своих феодальных доходов духовные лица при поддержке власти не раз разжигали национальную, религиозную рознь среди подвластного им населения. Таким образом, курдские феодалы с помощью духовных лиц отвлекали внимание населения от социальной борьбы. Если во многих местах, в частности у полуоседлых племенных курдов, эта политика удавалась[12], то дело обстояло иначе среди оседлых земледельцев — армян, курдов, айсоров. Представители армянского народа не раз упоминали, что их жалобы относятся не к курдскому населению вообще, а к курдским беям, эксплуатация которых в одинаковой мере распространялась на армян и курдов-землепашцев. Армянский католикос Хримян писал в своей жалобе: «Они (курдские беи.— Дж. Дж.) считают своими крепостными не только армянских крестьян, но даже и своих единокровцев, которые находятся в руках торунов (баринов.— Дж. Дж.), как пленники»[13]. Об одинаковом притеснении как курдов, так и армян со стороны курдских феодалов говорится в сообщении из Шатаха[14]. «Земледельцы-налогоплательщики армяне и курды находятся в одинаковом положении..., пишется в нем[15]. В районе Шатах все земли были сосредоточены в руках курдских феодалов. Не только в Шатахе, но и в других восточных районах Турции всюду встречались крупные курдские землевладельцы. Большие земельные районы Ванского санджака являлись феодальной собственностью двух курдских ага: Эмин-аге и Хусейн-аге, которые закабалили почти все население[16].

Во второй половине XIX в. заметно усиливается процесс объединения и увеличения земельной собственности курдских феодалов. Пути к увеличению земельных пространств были разные: покупка и продажа, притеснение соседних немусульманских народов, их выселение и насильственное подчинение слабых мелких землевладельцев и т. д. Безземельные крестьяне в Турции юридически были независимыми от феодала. Однако экономическое закабаление фактически связывало их с землей. Феодал отдавал свои земли безземельному крестьянину в аренду в порядке издольщины. Издоль-

---

10 Хуршид Эфенди. Сияхеэт-намэ-и-худуд, стр. 290.

11 Карцов. Заметки о курдах, стр. 16.

12 Социальной причиной таких притеснений в основном служила борьба за пастбища, за новые угонные районы.

13 «Դիվան Հայոց պատմության», հ. ԺԴ, էջ 465։

14 Интересные факты по этому вопросу см. в работе Е. К. Саркисяна «Аграрная политика Османского правительства в Западной Армении», Ереван, 1957.

15 «Դիվան Հայոց պատմության», հ. ՃԴ, էջ 261։

16 А. М. Колюбакин. Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции, т. III, ч. 1, отд. 2, Тифлис, 1891, стр. 60.

щина в восточных районах Турции была известна как институт «мараба». Институт «мараба» в основном выступает в двух формах. Первая форма в Эрзерумском вилайете была известна под названием ортхчи (կիսարություն). Безземельный крестьянин, владея орудиями и средствами производства, арендовал у феодала клочок земли. Мараба-издольщик, взяв в аренду землю, выполнял ряд обязательств перед феодалом: так, он должен был своими средствами отвезти урожай в город феодалу или своими силами удобрить землю и т. д. Вторая форма марабы была более тяжелой для крестьянина. Абсолютно разорившийся крестьянин является хозяином только своей рабочей силы. Феодал дает в аренду все: и орудия производства, и землю, и семена. По утверждению А-до, при таких условиях, во время распределения урожая феодал брал себе $^2/_3$ его[17]. Феодал старался как можно больше разорить хозяйства крестьян-издольщиков, лишить их возможности иметь рабочий скот или сельскохозяйственные орудия производства. Закабаляя крестьян-мараба, феодалы иногда принимали позу «благодетеля», отдавая крестьянину во временное пользование корову, кожу быка на обувь или немного пшеницы и ячменя во время засухи. Но долг феодалу-«благодетелю» ставил марабу в постоянную экономическую зависимость от него. Кроме уплаты феодалу доли урожая, мараба был обязан выплатить еще и все государственные налоги и дань. Так, феодал мог свободно использовать его силу в домашних и полевых работах. Феодал без всякой платы содержал у крестьянина ежегодно несколько голов скота. А если семья феодала находилась в деревне, семья марабы должна была служить ей. Феодал смотрел на марабу-издольщика как на раба, имел право оскорблять его, бить, даже согнать с земли, а мараба должен был беспрекословно повиноваться.

Система издольщины характеризовалась крайне низким уровнем развития производительных сил. Мараба в районах Вана, Битлиса и Эрзерума уже в конце XIX в. была преобладающей категорией крестьянства. Например, А-до отмечал, что в долине Абага из 77 деревень в 62-х были мараба.

Безжалостно эксплуатируя труд крестьян, сами курдские феодалы проводили свое время в пирах или на охоте. Праздному роскошному образу жизни феодалов Элизе Реклю противопоставляет нищету курдских и армянских крестьян, рисуя их полуземляные хижины, с плоскими крышами. «Зимние жилища,— пишет Реклю,— как у армян, так и у курдов, состоят по большей части из хижин, наполовину подземных, кровли которых едва отличаются от смежной почвы; одни и те же травы растут на доме и на окружающих землях, весной и летом одни и те же цветы распускаются и тут и там. Если бы не видел пирамид высохшего навоза, возвышающихся после каждого жилья, то прошел бы по деревне, не замечая ее существования. Некоторые могущественные шейхи курдов обладают большими каменными домами, имеющими даже мраморные камины...»[18].

Обременительные налоги и беспощадная эксплуатация, которым подвергались крестьяне со стороны феодалов, полное обнищание и разорение приводили к тому, что крестьяне не могли больше удовлетворять требования сборщика податей, не могли обеспечить себя семенами на следующий год и поэтому вынуждены были обращаться к ростовщикам, попадая в их сети. Часто в роли ростовщиков выступали сами сборщики податей.

Другой формой эксплуатации курдского населения был наем сезонных рабочих, или батрачество. Ф. Ростопчин, советский исследователь, выделяет у курдов две категории батраков: «полупролетариев», имеющих свое хозяйство и занимающихся лишь сезонным батрачеством, и «вполне пролетаризованных», лишенных всякой собственности[19].

Джалиле Джалил

---

17 Ա. - գ. Վանի, Բիթլիսի և Էրզրումի վիլայեթները, Երևան, 1912, էջ 276։

18 Элизе Реклю. Земля и люди. «Всеобщая география», СПб., 1887, т. IX, стр. 305.

19 Ф. Ростопчин. Заметки о курдах. «Бюллетень прессы Среднего Востока», Ташкент, 1932. № 13—14, стр. 82.